

М. Жиркова

«ДНЕВНИК ФОКСА МИККИ» САШИ ЧЕРНОГО КАК ЖАНРОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В статье анализируются жанровые особенности произведения, «созданные» маленькой собачкой. Дневник в данном случае является жанровым экспериментом, содержащим и личные записи, и поэтические произведения, и обращение представителя животного мира к людям. Рассматриваются система образов, взаимоотношение взрослых и детей, животного и человеческого миров; взаимосвязь художественных образов поэзии и прозы Саши Черного; значение игры в жизни ребенка.

Ключевые слова: Саша Черный, дневник, герой, автор, жанровый эксперимент, тема, юмор, поэзия, поэтическая маска.

К творчеству для детей Саша Черный (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) обращается еще в России: в 1911 г. публикует стихотворение «Костер», а в 1912 г. готовит детский альманах «Голубая книжка», в который включает свой рассказ «Красный камешек» и песенку «Вечерний хоровод»¹. Чуть позже им опубликованы стихи для детей «Тук-тук!»², «Живая азбука»³. В эмиграции творчество для детей становится для Саши Черного едва ли не основным: выходит несколько его книг для детей. Так, в Берлине в 1921 г. опубликован поэтический сборник «Детский остров», в 1922 переиздана «Живая азбука», в 1924 выпущена стихотворная сказка «Сон профессора Патрашкина». Уже в Париже в 1927 г. выходит отдельное издание «Дневника фокса Микки», публиковавшегося до этого по главам в еженедельном парижском журнале «Иллюстрированная Россия»; в 1928 — отдельное издание «Кошачья санатория»⁴. Книга «Серебряная елка: Сказки для детей», содержащая сказки разных лет, опубликована в Белгороде в 1929 г., тогда же в издательстве «Москва» (Берлин — Париж) выходит повесть «Чудесное лето». Вновь в Белгороде в 1930 г. издан сборник рассказов «Румяная книжка», и уже после смерти писателя в издательстве журнала «Иллюстрированная Россия» опубликован в 1933 сборник рассказов «Белка-мореплавательница». Помимо отдельных изданий и сборников, стихотворения и рассказы публиковались в эмигрантской периодике⁵. В том же 1933 г. выходят «Солдатские

сказки», но, несмотря на свое название, они адресованы скорее взрослому читателю.

В 1920-е гг. в Советской России произведения Саши Черного перепечатывались без его ведома⁶, затем после длительного перерыва публикация книг была возобновлена в 1990-е гг. Исключения составляют издания книг серии «Библиотека поэта», соответственно, 1960 г. — первое, 1962 г. — второе [Черный 1960; Черный 1962], а также публикация двух небольших детских книг в 1968 и 1976 гг. [Черный 1968; Черный 1976]. Причем в последнем из стихотворения-предисловия, открывающего «Детский остров», исключена вторая строфа, которая, видимо, с точки зрения редакции, дискредитирует образ поэта — сегодня такая забота становится предметом иронии [Иванов 2007б, с. 554; Приходько 1993, с. 6]⁷:

Уж давным-давно пропели петухи...
А поэт еще в постели.
Днем шагает он без цели,
Ночью пишет все стихи [Черный 2007, с. 7].

Первое полное издание произведений для детей и о детях — книга «Что кому нравится», составленная и подготовленная В. Приходько [Черный 1993].

* * *

Несмотря на постоянный интерес к литературе русского зарубежья, о литературной деятельности Саши Черного написано немного. На протяжении многих лет творчеством писателя занимается Л. А. Спиридонова, ей принадлежат критико-биографический очерк и комментарии к первому изданию книги «Стихотворения» в серии «Библиотека поэта» [Спиридонова 1960], а также многочисленные работы о Саше Черном периода «Сатирикона». В статье об эмигрантском творчестве поэта затрагиваются проблемы изучения творчества Саши Черного для детей [Спиридонова 1997]. В последней опубликованной монографии Л. А. Спиридовой о комическом в литературе русского зарубежья содержится глава «Смех — волшебный алкоголь. А. Черный» [Спиридонова 1999], но в ней детское творчество поэта практически не разбирается.

Наиболее полное на сегодняшний день пятитомное собрание сочинений Саши Черного с подробными комментариями и статьями в каждом томе подготовлено А. С. Ивановым (первое издание в 1996 г.) [Черный 2007]. В пятитомнике представлена хроника жизни и библиографический список отзывов и рецензий, опубликован-

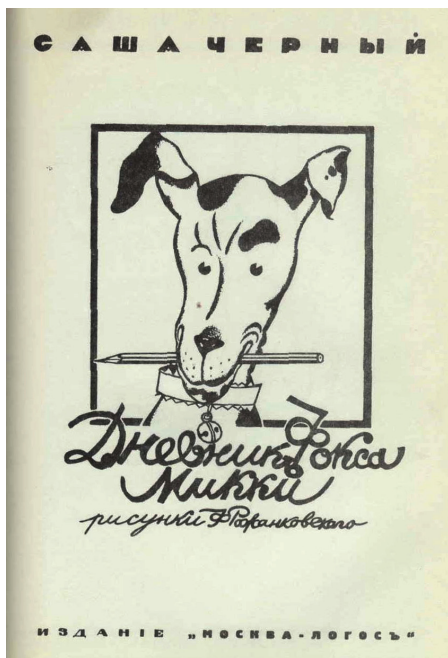
Саша Черный с фоксом Микки (сер. 1920-х).

ных при жизни Саши Черного. Статьи А. С. Иванова из этого издания представляют собой, наверное, единственное полное исследование творческого пути Саши Черного. Так, пятый том, посвященный исключительно детскому творчеству, завершает статья исследователя, в которой через биографическую канву прослеживается путь Саши Черного как детского писателя и поэта [Иванов 2007a].

В последние годы количество исследовательских работ о поэте значительно увеличилось, но именно творчество Саши Черного для детей сейчас все чаще находится в центре внимания исследователей [Коротких 2002; Ковалева 2004; Афолина 2009]. С недавнего времени отдельные главы о нем появились в учебниках по детской литературе [Арзамасева 2001] и словарях детских писателей [Минералова 1997; Писатели 2000]⁸.

Диссертационных исследований, посвященных изучению творчества Саши Черного, немного. При этом его имя рассматривается в ряду других, реже он становится самостоятельным объектом изучения. Среди последних научных исследований привлекает внимание работа А. В. Коротких «Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи» [Коротких 2002]. Автор диссертации прослеживает развитие темы детства у современников писателя, а также в контексте традиционных подходов к изображению ребенка в детской литературе XIX — первой половины XX вв.

Сатирическому наследию писателя посвящено исследование Г. А. Погребняка «Поэтика парадоксального в малой сатирико-юмористической прозе первой трети XX в. (А. Аверченко, Саша Черный)» [Погребняк 2003], в котором «Солдатские сказки» и «Дневник фокса Микки» рассмотрены в дискурсивном аспекте — как реконструкция сознания «наивного человека».

Саша Черный. Дневник Фокса Микки / рис. Ф. С. Рожанковского.
 Берлин: Изд-во Москва-Логос, 1927.

Первая публикация «Дневника фокса Микки» состоялась в журнале «Иллюстрированная Россия» в рубрике «Страничка для детей» в 1924–1925 гг. В этом издании заметки «Из дневника фокса Микки» были подписаны: «сообщил Sandro», позднее авторство изменено: «сообщил Саша Черный» [Иванов 2007б, с. 573]. Так в журнальной публикации из-за фокса Микки явно «выглядывает» сам Саша Черный. Интересна в этом плане подпись (вернее, комментарий по поводу ее отсутствия) к четвертой записи «Осенний кавардак»: «Подписи нет. По поручению Зины сообщил Sandro (он же, если вам угодно знать, — Саша Черный)» [Иванов 2007б, с. 574]. В отдельном издании книги Саша Черный как будто ушел со сцены, «спрятался» за своего персонажа, ничем не выдавая своего присутствия.

Исследователи уже писали о поразительной силе перевоплощения, об умении вживаться в различные образы, даже «волшебстве» Саши Черного [Иванов 2007б, с. 538; Приходько 1993, с. 13]. Еще К. И. Чуковский заметил, что у Саши Черного есть «редкостный талант заражаться ребячьими чувствами, начисто отрешаясь от

психики взрослого» [Чуковский 1996, с. 15]. Посмотреть на мир глазами другого существа, при этом чувствуя себя естественно, органично маленьким ребенком или зверушкой, — это один из основных принципов поэтики детского творчества Саши Черного. В этом контексте дневник, написанный от имени собаки, не первая в истории литературы попытка выразить себя в образе «братьев наших меньших». Достаточно вспомнить представителя другого вида — кота Мурра Э. Т. Гофмана, также ведущего свой дневник, или переписку гоголевских собачек из «Записок сумасшедшего».

Саша Черный представляет здесь не просто «дневник», который ведет фокс Микки; это «полноценное художественное произведение», написанное маленькой собачкой и адресованное людям: «Попала бы моя книжка в лапки какой-нибудь девочке в зеленом платьице... Села бы она у камина с моим сочинением, читала бы, перечитывала и улыбалась» [Черный 2007, с. 158]. Мотивировка появления дневника фокса Микки психологическая: фокс начинает вести дневник в минуту обиды, когда заговорили «собачьи амбиции». «Я умею думать, — и это самое главное», — замечает Микки в ответ на упрёки своей хозяйки: «А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь» [Черный 2007, с. 131]. Искусство письма с трудом, но поддалось собачьему трудолюбию, ведь, с точки зрения «я» рассказчика, «фоксы гораздо прилежнее девочек».

Но, как уже было сказано, Микки не просто ведет личный дневник, а пишет книгу, создает художественное произведение для детей и взрослых. Причем литературный дневник — жанр, неизвестный маленькому фоксу, из жизни людей взрослых, которые «всегда читают про себя» [Черный 2007, с. 133]. Образцом для подражания «наивного писателя» становятся детские книжки, читаемые вслух Зиной. Отсюда особая организация текста дневника: каждая запись имеет не традиционную для этой жанровой формы датировку в начале, а заглавие, как название глав в книге, например: «О Зине, о еде, о корове и т. п.», а в конце — подпись, как в письмах: «Фокс Микки, первая собака, умеющая писать»; внутри: «Ставлю три звездочки. Я видел в детских книжках, — когда человек делает прыжок к новой мысли, — он ставит три звездочки» [Черный 2007, с. 131]. Этот прием Саши Черного демонстрирует представления «непрофессионального писателя» о минимальных маркерах литературного письма, не столько жанра (жанр-то как раз пес-повествователь и не выдерживает), сколько вообще литературного, авторского произ-

ведения, и такими маркерами оказываются только два элемента: заглавие и авторское право, выраженное в подписи. Для середины 1920-х гг. такой «формальный подход» к определению границ литературного текста был вполне актуален.

Дневник состоит из двенадцати записей, правда, только одиннадцать подписей под ними, одна (четвертая) отсутствует по вполне «объективным причинам»: отняли тетрадь и карандаш, не успел дописать. Если название отражает тему и главные события в жизни Микки, то подпись каждый раз фиксирует настроение, состояние и мечты, фантазии фокса. Например: «Одинокий, несчастный, холодный и голодный фокс Микки» — пишет пес, оставленный на даче, «Главный собачий фильм-директор фокс Микки» — посетив синема, «Знаменитый укротитель догов и бульдогов, эквилибрист и наездник фокс Микки» — после посещения цирка.

Личный дневник имеет двоякие установки: он может существовать только для себя, разговор ведется чаще всего с самим собой или с дневником, а может быть обращен к предполагаемому читателю, или собеседнику, или даже к оппоненту. Традиции написания дневника «для других» широко известны, особенно в контексте «авторов с биографией»: представителей интеллектуального и творческого труда, рассчитывающих на обнародование своих записей после смерти (вспомним знаменитый дневник К. И. Чуковского). Записи Микки эмоциональны и изначально обращены к читателю, представителю другого, человеческого мира. Для фокса люди — странные существа, делающие все не так, как надо, и не понимающие самого Микки. Дневник дает Микки также возможность высказать свое мнение, удивление или возмущение. Ведь ни с людьми, ни с некоторыми другими представителями животного мира нельзя объясниться. Впечатления, чувства, эмоции, образы, мысли переполняют и выплескиваются на бумагу.

Если первая запись объясняет возникновение дневника, то вторая («Стихи, котята и блохи»), содержащая поэтические эксперименты, «переводит» личный дневник в художественное произведение. Микки пробует не просто писать, а примеряет на себя роль поэта. По его собственному мнению, он обладает удивительным языковым чутьем: «ухо у меня тонкое», и представленные поэтические эксперименты не единственные в его дневнике.

Таким образом, дневник фокса Микки жанрово разнороден: содержит и личные записи, и поэтические произведения, и адресацию представителя животного мира к людям. Важно при этом отметить

двойственность сюжета произведения. Во «внутреннем» сюжете речь идет о переживаниях собачки, во «внешнем» — о событиях, происходящих с Микки. Фокс анализирует все, что происходит вокруг.

Взрослые всегда противостоят собачьему и еще детскому миру автора дневника, именно они становятся главными оппонентами в рассуждениях фокса. Почему ему не нравятся взрослые? Они смеются над ним, не воспринимая его всерьез, видя в нем лишь забаву, игрушку («терпеть не могу, когда люди смеются» [Черный 2007, с. 131]), посмеивается над ним и Зина — что очень обидно; кроме того, «скучные люди эти взрослые» [Черный 2007, с. 133], вечно говорят какие-то глупости, переезжают с места на место, «бегают» по делам, сердятся за песок и грязь на лапах. А самое нелюбимое существо — кухарка: обращаться с порядочными собаками она не умеет, пусть ее блохи кусают, не жалко.

Микки пытается в своем дневнике утвердиться, доказать, что он «чудесный и замечательный», умный, почти профессор среди собак. Приписывая собаке-рассказчику такие качества, Саша Черный конструирует образ «наивного писателя», «непрофессионального поэта», творчество фокса Микки — это творчество любителя. Проблема прихода в литературу непрофессионалов для середины 1920-х гг. — проблема весьма болезненная.

Первая запись «О Зине, о еде, о корове и т. п.» — о самом главном: о взаимном непонимании людей и животных в целом, и фокса Микки в частности. Вспоминаются обиды, перечисляются странности людей, которые говорят не то, что думают, и делают не то, что говорят. Так обозначаются два мира, чуждых друг другу: мир людей и мир животных. Микки ближе всего всей душой и сердцем к своей хозяйке Зине, которая «больше похожа на фокса, чем на девочку» [Черный 2007, с. 131], но по своей природе принадлежит животному миру, хотя очень критичен по отношению к своим собратьям.

Фокс Микки стремится в круг избранных: благодаря своей любознательности и усердию Микки научился читать и писать, но этого мало. «Есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает: точно котлетки рубит» [Черный 2007, с. 133], — замечает Микки в главе «Стихи, котята и блохи». Стихи очень «интересуют» фокса. Микки оказывается не только первой собакой, умеющей писать, но и автором первых в мире собачьих стихов. Если первые стихи давались с трудом («весь день пролежал под диваном, даже похудел» [Там же]), то следующие возникают легко, по случаю, экспромтом.

У Микки тонкий слух, но он утверждает, что не любит музыки. Например, пишет о «проклятой музыке, по которой Зина бегаёт пальцами» [Там же, с. 132], постоянно звучащие однообразные музыкальные упражнения вызывают тоску и раздражение. Замечает о граммофоне: «хрипящая, сумасшедшая машина» [Там же, с. 134]; скрип, треск перебивает, мешает слышать музыку.

Микки слышит в данном случае не музыку, если говорить о ней как о гармонии звуков, а какофонию, к которой добавляется позднее еще и раздражение от созерцания циркового оркестра, «когда один скелет плюет в флейту, а другой, толстяк, стоя на поставив огромную скрипку и ерзает по ней какой-то линейкой, а третий лупит палками по барабану, локтями о медные линейки и ногами в большой пузатый бубен, а четвертая, лиловая курица, разъезжает взад и вперед по пианино и подпрыгивает... О!» [Там же, с. 151].

Мотив не любящей музыки собачки присутствует и в детской поэзии Саши Черного: пес из «Арапкиной молитвы» просит, чтобы в доме не были на флейте, а фокс из одноименного стихотворения убегает, как только хозяин заиграл на мандоле. Правда, соседский мальчишка со смехом замечает:

Ну как же ты не понимаешь, —
Твой фоксик выкинул дебош
Не потому, что ты играешь,
А потому, что ты поешь...

Герои-животные у Саши Черного обладают музыкальным слухом, именно нарушение гармонии звучания вызывает неприятие музыкальных занятий человека.

Приобщение героя к культуре — это расширение кругозора: смена пространства (переезд в Париж), приобретение опыта, в частности, опыта восприятия зрелищ и других форм человеческой «культурной жизни». Меняется стиль жизни — меняется стиль повествования: от повседневной жизни, мучительных вопросов Микки переходит к описанию ярких событий и самореализации в новых культурных формах. Например, поход в синема вызывает массу вопросов: «Как это, как это может быть, чтобы люди, автомобили, дети и полицейские бегали по полотну?!» [Там же, с. 142], возникают новые прожекты о синема для собак. Рождаются возможные темы, Микки готов взять на себя написание сценария для фильмов «Чужая кость», «Похороны одинокого мопса», «Пудель Боб надул мясника» (для щенков обоего пола), «Сны старого дога» и т. д. Не меньшее потрясение и восторг вызвало у него море, разбудив новые мечты

о собачьем курорте «Фоксенбаде» с собачьими скачками, рулеткой, санаторием. Негативное впечатление и неприятное чувство осталось от посещения зоологического сада: «Совсем не сад, а просто тюрьма для несчастных животных» [Там же, с. 146].

Посещение цирка вызывает противоречивые чувства. Первые ассоциации с уже знакомым: от вагонов-домов пахло «густо-прегусто зоологическим садом» [Там же, с. 151]. Начало циркового представления вызывает также негативные эмоции: ужасная музыка; цирковые номера в глазах Микки нелепые, наигранные, фальшивые, а факир просто пугает. Но выступление детей на арене, их игры во время антракта вызывают радость и восторг, фокс с удовольствием присоединяется к ним.

Рассказчик — это не только неофит, приобщающийся к искусству и массовым формам отдыха 1920-х гг. (санаторий, цирк, кино и пр.). Саша Черный отрабатывает и привычную для детской литературы проблему ответственности за тех, кого мы «приручили». В случае с Микки — это тревожные переживания маленькой собачки о своем месте в жизни хозяйки: «Осенний кавардак» начинается не только на даче, с которой все собираются уезжать, оставляя там Микки, но и в собачьей жизни, где появляется пустой, холодный, продуваемый ветрами дом и голод, из-за которого приходится унижаться — танцевать на задних лапках в бистро: «Стыдно очень, но что ж делать, — есть надо» [Там же, с. 140]. Мало тоски от одиночества, голода и холода, так еще мелких огорчений, вроде клюнувшего ни с того ни с сего петуха или таракана в чашке с овсянкой, набралось на отдельную запись. Самое обидное: «Зина меня забыла!» («Я один»). Но Микки оптимист и никогда не падает духом. Зина приехала, и забыты все обиды.

Самым страшным испытанием в жизни фокса на море становится потеря дома, Зины (запись «Как я заблудился»). Хотя Микки и в этой ситуации не падает духом, правда, теряя его на какое-то время, но все-таки находит выход: «Перед желтым забором у палисадничка прислонился к телеграфному столбу и опустил голову. Я видел на картинке в такой позе заблудившуюся собачку, и поза эта мне очень понравилась. Что ж, я не ошибся» [Там же, с. 148–149]. Заметили, пожалели. В новой семье, приютившей Микки, он постоянно вспоминает Зину и тоскует по своей прежней хозяйке. Но «я нашелся!» [Там же, с. 150]. Никто не может заменить в собачьем сердце образ хозяйки, вечный предмет внимания, заботы и любви. В момент отчаяния Микки сравнивает себя со старой, заброшенной игрушкой,

как та старая кукла, что на чердаке «лежит в пыльной дырявой ванне, задрав кверху пятки» [Там же, с. 141]. Страшные и горькие слова: «... сердце девочки — одуванчик. Забыла куклу, забыла Микки. А потом у нее появится дочка, и все начнется сначала... новая дочка, новая кукла, новая собачка» [Там же]. И цитирует Лермонтова, правда, на свой собачий лад: «И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!»; безысходность лермонтовского стихотворения здесь вызывает горькую улыбку у читателя и оставляет щемящее чувство боли.

Весь мир сводится к семье хозяйки, где самым главным человеком для Микки является девочка Зина. Она не просто хозяйка, она друг, и она ребенок — объект привязанности и заботы. Хотя, как верно замечает В. А. Карпов: «Автор постоянно подчеркивает сходство в их поведении, реакции и устремлениях» [Карпов 2005, с. 33], но по отношению к девочке двухлетний Микки ощущает себя нередко старшим, отсюда терпение и снисходительность к ее поведению и поступкам: «Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр. Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?» [Черный 2007, с. 133]. А. В. Коротких замечает, что «под маской животного скрывается человек, являющийся одновременно мальчишкой и взрослым» [Коротких 2002, с. 56].

Тем не менее в дневнике широко и разнообразно представлен животный мир: от таракана в чашке с овсянкой до льва в клетке. Сложные внутренние отношения царят в этом мире, но он един. Микки — его неотъемлемая часть, правда, у него здесь нет привязанности, любви, но нет и ненависти к своим братьям. Даже к кошке: жалеет и играет с котятками, оставленными загулявшей кошкой, волнуется на море, не встречая их: уж не едят ли здесь кошек?.. Хотя намечается и любовная ситуация: особые чувства вызывает у Микки консьержкина болонка, но чувства остывают, не успев развиться.

Юмор и смех, разлитые по всей книге, связаны в первую очередь с игрой слов, нарушением стилистического единства. Неожиданны сочетания разговорной и книжной речи; высокого и низкого, поэтического и прозаического: «О Зине, о еде и о корове»; «Стихи, котята и блохи». Блохи вообще отравляют жизнь Микки, поэтому они постоянно мелькают перед читателем, перепрыгивая со страницы на страницу.

Недоумение у фокса вызывают многие человеческие слова и выражения: «глаза на лоб полезли», «собачья жизнь», «собачий

ветер», «присутствие духа», «гора с плеч свалилась». Классический пример каламбура: «Вода замерзает зимой, а я каждое утро» [Черный 2007, с. 136]. Фокс переносит «человеческие» образы на себя, меняя одно-два слова в привычных сочетаниях: «сон был мне в руку? То есть в лапу» [Там же]. Люди же описываются словами из «собачьей лексики»: «Зинин дядя совсем лысый, вся шерсть с головы облезла...» [Там же, с. 137]; «Но мама строго посмотрела на папу. Он был дрессированный: фыркнул, пожал плечами и пошел на веранду читать свою газету» [Там же, с. 149]. Рассказчик употребляет близкие по семантике слова, но не тождественные: «скоро деревья будут лысые» [Там же, с. 136].

Свои представления об увиденном Микки передает через сравнение с привычным ему и понятным. Например: люди говорят, «точно у каждого граммофон в животе сидит». Ритмичное чтение стихов сравнивает с рубкой котлет. На корабле люди сели на скамейки: «как воробьи на телеграфных проволоках...», а сам Микки от качки «распластался, как лягушка на льду», или «небо цвета грязной собаки», «Зина серьезная, как наказанный попугай». От обиды на котят, не оценивших его сердца, он решает: «Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!» [Там же, с. 134]. Он по-своему отомстил садовнику за неправильное распределение продуктов между хозяевами и кухаркой: «Прокрался в переднюю, встал на стул и положил ему в карман пальто рыбьих кишочков... Пусть знает!» [Там же, с. 142]. Когда потерялся, попытался обратиться даже в мэрию: «Быть может, Зина заявила туда, что я потерялся» [Там же, с. 150], правда, дальше порога его дворняжка не пустила.

Собачья тема важна для детского творчества Саши Черного: животные часто становятся главными героями его стихотворных и прозаических произведений, например, в сборнике «Детский остров». Игрушка или живая собака — неотъемлемая часть жизни ребенка («Про Катюшу», «Цирк», «Зимой всего веселей», «Волк», «Враги»). А герой «Арапкиной молитвы» «мохнатый пес, шершавый Арапка» — родной брат фокса Микки. Позднее обаятельные образы фоксов появляются в стихотворениях «В Булонском лесу», «Щенок», «Фокс».

Но и сам Саша Черный сравнивает себя с Барбосом в стихотворении-предисловии, открывающем «Детский остров», обращенном к детям и объясняющем, кто такой поэт:

Беззаботный и беспечный, как Барбос,
Весел он под каждым кровом,

И играет звонким словом,
И во все сует свой нос [Черный 2007, с. 7].

Напрашивается параллель между Фоксом Микки и самим поэтом. Среди стихов Микки есть сатирические (о дамах, фотографирующихся на пляже), Саша Черный тоже пишет сатирические стихи. Поэт и писатель, любопытный и веселый, по-детски наивный, «беззаботный и беспечный», любящий детей — эта характеристика идеально подходит каждому — и Фоксу Микки, и Саше Черному. Сочетание детской наивности и взрослой рассудительности, снисходительности к окружающим — основная особенность рассказчика.

Фокс Микки — своеобразная маска, которую примеряет на себя (или за которую прячется) Саша Черный. Это дает возможность взглянуть на мир и людей по-новому. Благодаря «собачьему» взгляду, человеческий мир обнаруживает свою странность и нелепость, которая в иной ситуации не замечается. Создается некая новая модель мира, центром которой является собачий недоросль.

Примечания

¹ Голубая книжка. СПб.: О. Н. Попова, 1912.

² Тук-тук! М.: Тип. т-во И. Д. Сытина, 1913.

³ Живая азбука. СПб.: «Шиповник», 1914.

⁴ Первая публикация в рижском журнале «Перезвоны» за 1925 г.

⁵ Например, в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» в рубрике «Страничка для детей», позднее в берлинской газете «Последние новости», где Саша Черный вел рубрику «Детский остров».

⁶ Катюша. Ростов-на-Дону: Сев. кав. книга, 1926; Детский остров. М.-Л.: Госуд. изд-во, 1-я Образцовая тип. В Мск., 1928; Крокодил. Как кот сметаны поел. Киев: Культура, Киев-печать, 1-я фото-лито-тип., 1928; Дети. Киев: Культура, 1929; Дождик. Киев: Культура, 1929; Индейский петух. М.-Л.: Госуд. изд-во, 1-я Образцовая тип. В Мск., 1930; Трубочист. М.-Л.: Госуд. изд-во, 1-я Образцовая тип. В Мск., 1930.

⁷ Саша Черный. Что кому нравится: стихи / рис. Б. Диодорова. М.: «Детская литература», 1976. 24 с. 100 000 экз. Ответственный редактор К. Д. Арон. Художественный редактор А. Б. Сапрыгина. Книжка содержит 11 стихотворений, к каждому из которых представлена иллюстрация на отдельной странице. Интересно, что стихотворение «Детям» имеет две иллюстрации, первая как раз и посвящена пропущенной строфе. На ней, свернувшись калачиком в кресле, спит поэт, положив голову на тетрадку и заткнув перо за ухо. Он, вероятно, просидел всю ночь за сочинительством стихов, а теперь спит с блаженной улыбкой на лице и видит замечательные сны. Ночь на исходе, кресло парит над деревенькой в светлеющем небе, а прямо над спинкой кресла поет петух.

⁸ Автор статьи о Саше Черном — И. С. Казюлькина.

Источники

Черный С. Кто? [Книжка-картинка]. М.: Малыш, 1968.

Черный С. Собр. соч.: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007.

Черный С. Стихотворения / подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1960. (Библиотека поэта)

Черный С. Стихотворения / подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Изд. 2-е. М.-Л.: Сов. писатель, 1962. (Библиотека поэта).

Черный С. Что кому нравится. М.: Дет. лит., 1976.

Черный С. Что кому нравится. М.: Молодая гвардия, 1993.

Исследования

Арзамасцева И. Н. Саша Черный // Арзамасцева И. Н., Николаева С. Н. Детская литература: учебник для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издат. центр «Академия»; Высшая школа, 2001. С. 255–258.

Афонина Е. Л. Поэтика малышей стихов Саши Черного («Детский остров») // Проблемы детской литературы и фольклор: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 30–40.

Иванов А. С. Волшебник // Черный С. Собр. соч.: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007а. Т. 5: Детский остров. С. 523–548.

Иванов А. С. Комментарий // Черный С. Собр. соч.: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007б. Т. 5: Детский остров. С. 549–595.

Иванов А. С. Саша Черный. Библиография. Париж: Институт славяноведения, 1994. С. 7–14.

Писатели нашего детства. 100 имен: биограф. словарь: в 3 ч. М.: Либерия, 2000. Ч. 3. С. 483–488.

Карпов В. А. Проза Саши Черного в детском чтении // Начальная школа плюс До и После. 2005. № 4. С. 30–34.

Коротких А. В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дисс. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2002.

Минералова И. Г. Черный Саша // Русские детские писатели XX века: биобиблиограф. словарь. М.: Флинта, Наука, 1997. С. 477–480.

Приходько В. А. Любит... и все // Дошкольное воспитание. 2000. № 8. С. 80–83.

Приходько В. Он зовется «Саша Черный»... // Саша Черный. Что кому нравится. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 5–15.

(Спиридонова) Евстигнеева Л. И. Литературный путь Саши Черного // Черный Саша. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1960. (Библиотека поэта) С. 23–67.

Спиридонова Л. А. Черный Саша // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Т. 1. Писатели Русского Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С. 432–435.

Спиридонова Л. А. «Смех — волшебный алкоголь». А. Черный // Спиридонова Л. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. М.: «Наследие», 1999. С. 167–208.

Чуковский К. И. Саша Черный // Саша Черный. Стихотворения. СПб.: Петерб. писатель, 1996. С. 5–26.